

туры этими терминами не пользуется, так как они не выражают сущности литературного процесса.

Отказ от термина «период барокко» в смысле обозначения названного выше периода совсем не означает, что отрицается существование специфического стиля, который в то время получил развитие, или существование особого мировоззрения, характерного для литературы данной эпохи, и т. д. Отказ от термина «барокко» для обозначения целой литературной эпохи — следствие иного взгляда на историю литературы, чем тот, который преобладал в 30-е годы. Пользуясь термином, взятым из области изобразительного искусства, мы тем самым принимаем идеалистическую периодизацию литературного процесса, так как хотя и подчеркиваем взаимное соприкосновение отдельных культурных областей (искусство, философия и др.), но все же минуем их экономически-общественную основу. Литературная жизнь при таком подходе представляется без достаточной дифференциации, как единый поток, идейно и классово неразличимый. Литература предстает перед нами как самостоятельная, имманентная область творчества, а не как отражение общественной жизни.

Этим мы уже, по сути дела, ответили на предложенный вопрос: в XVII—XVIII вв. существует (мы говорим лишь о чешской литературе) творчество, близкое тому, которое обозначается в других литературах как творчество «барокко»; однако оно все же имеет свои специфические черты. Поэтому при оценке этого творчества не следует его механически сопоставлять с аналогичными явлениями в других странах.

Стилевые особенности, типичные для эпохи «барокко», начали в чешской литературе появляться уже во второй половине XVI в., однако со всей определенностью стиль «барокко» оформился только в 20-е годы XVII в., причем это коснулось как литературных произведений, так и народного творчества; как литературы, возникавшей в самой Чехии, так и литературы чешских эмигрантов (Жоменский). Литературу «барокко» нельзя ограничивать только иезуитской литературой, точно так же, как нельзя отделять друг от друга «барокко» иезуитское, францисканское, протестантское, народное и т. д. Речь идет об одном и том же стилевом принципе, который проявляется в разных областях и неодинаковых социальных условиях различно. Его общая основа была обусловлена экономическим и политическим строем эпохи, который однако в разной среде находил различное отражение и осмысление в соответствии с тем, как скреплялись интересы отдельных сословий и социальных групп. Особенно острыми были противоречия между творчеством, отражающим интересы правящего класса, и творчеством (в большинстве случаев устным), отражающим интересы эксплуатируемого народа. Поэтому нельзя понимать литературу «барокко» как общечеловеческое целое: необходимо видеть ее классово обусловленное разнообразие, но при этом надо находить и то общее, что все это разнообразие связывает.

Специфические черты чешского литературного «барокко» объясняются тем, что большая часть произведений литературы «барокко» предназначалась для народных масс. Эта целенаправленность постепенно усиливается (что соответствует постепенному падению интереса к литературе, написанной на чешском языке, среди образованных в литературном отношении слоев населения). Литература постепенно все более и более ориентируется на менее образованных читателей, вследствие чего поэтика «барокко» приспосабливается к запросам и пониманию народных масс. Таким образом, в отличие от живописи, чешское литературное «барокко» представляется как явление более примитивное, оно как бы свидетельствует об измельчании и упрощении как идей, так и типичных стилистических средств (пристрастие к антитезе, возрастающая экспрессивность, соединение светских и духовных элементов, гиперболизм и т. д.). Из этого иногда возникло и упрощенное представление о стилистической ценности чешской литературы «барокко». Ее механическое сравнение с иностранной литературой «барокко» не может быть плодотворным, так как оно проводится без учета особенностей общественного базиса. Неверно, например, сравнивать чешскую иезуитскую литературу с Корнелем или чешскую духовную песню XVII—XVIII вв. с мистической поэзией, предназначенной для образованного и требовательного читателя в других странах. Сравнить можно лишь произведения, предназначенные для одинаковых общественных слоев, стоящих на одной ступени культурного и экономического развития; в противном случае каждое сравнение с целью оценки изучаемых явлений окажется бесплодным.

Характерные признаки чешского стиля «барокко» являются, разумеется, общими признаками «барокко» вообще. Ближе всего чешская литература «барокко» стоит к литературе немецкой. Это было обусловлено прямым соприкосновением обеих литератур: в Чехии встречалась чешская и немецкая читающая публика, чешские писатели в большинстве случаев знали немецкий язык, с немецкого делались переводы (Кадлинский-Шпее) и т. д.

Изучение стилистических особенностей чешского литературного творчества в XVII и XVIII вв. не должно все же заслонять для нас антинародные тенденции официальной литературы «барокко», создававшейся апологетами господствующего класса с целью воспитать в народе пассивность и тем самым сломить его волю к сопротивлению.

Главным вопросом истории литературы должно быть изучение того, как относился народ к этой официальной литературе, брал ли он из нее что-либо, переосмысливались ли ее отдельные элементы и т. п. Верный путь к познанию чешского «барокко» — исследование взаимоотношений двух противоположных тенденций, которые в нем просту-